

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

А. С. ШОФМАН

РУССКИЙ САНСКРИТОЛОГ П. Я. ПЕТРОВ

Павлу Яковлевичу Петрову (1814—1875) принадлежит видное место в истории русской санскритологии. Академик И. Ю. Крачковский считал его талантливым русским востоковедом, одним из первых индианистов с широким кругозором и редкой подготовкой¹.

Учебная и научная деятельность П. Я. Петрова проходила в стенах трех старых русских университетов: Петербургского, Казанского и Московского. И в каждом из этих университетов П. Я. Петров оставил после себя добрую память.

П. Я. Петров родился и вырос в малообеспеченной семье учителя. Отец его был преподавателем новых языков, истории, географии и математики сначала в Петербурге, а затем в Москве.

В 1828 г. П. Я. Петров был принят на подготовительное отделение Московского университета и через год переведен «на ординарные лекции по словесному факультету»². В университете он вскоре встретился и подружился с В. Г. Белинским.

О своем сближении с П. Я. Петровым В. Г. Белинский говорил: «Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями. Вот дружба, которую я могу по справедливости хвалиться»³. Друзей сближали не только совместные занятия, особенно по языку и литературе, но и общ-

¹ И. Ю. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова к В. Г. Белинскому*, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 7; А. А. Губер, *Изучение Индии в Советском Союзе*, М., 1954, стр. 6.

² «Московские ведомости», 1875, № 242; К. Г. Залеман, П. Я. Петров, «Русский биографический словарь», СПб., 1902, стр. 694—696.

³ «Литературное наследство», т. 57, стр. 46.

ность взглядов на русскую действительность. Об этом свидетельствует их участие в тайных студенческих кружках⁴.

В начале 1830 г. В. Г. Белинский и его товарищи образовали кружок, известный под названием «Литературного общества одиннадцатого нумера». В него входили В. Г. Белинский, М. Б. Чистяков, Н. А. Аргилландер, П. Я. Петров и др.⁵

В этом обществе как Белинский, так и Петров прошли серьезную философскую и литературную школу⁶. В обществе «одиннадцатого нумера» развернулась напряженная полемика по вопросам литературы и общественной жизни. Классицизм и романтизм, революционные традиции русской литературы, будущее родины, революционное движение на Западе — вот тот круг вопросов, который волновал участников этого общества⁷.

Петров был очень одаренным юношей. Своими познаниями он приводил в восторг В. Г. Белинского. «Что это за человек! Какие познания! Какие способности! Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски; хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредья-

⁴ Дружба В. Г. Белинского с П. Я. Петровым, особенно в студенческое время, довольно обстоятельно показана литературоведами и историками Московского университета. См. Клеман, *В. Г. Белинский в воспоминаниях современников*, Л., 1929; Н. Л. Бродский, *Лермонтов, биография*, т. I, 1945; В. С. Нечаева, *В. Г. Белинский*, М., 1954; М. Поляков, *Белинский в Московском университете*, М., 1947; М. Поляков, *Студенческие годы Белинского*, — «Литературное наследство», т. 56; В. П. Гурьянов, *В. Г. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета*, — «Ученые записки МГУ», вып. 156, 1952.

⁵ «Литературное наследство», т. 50, стр. 365; В. П. Гурьянов, *В. Г. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета*, стр. 106.

⁶ М. Поляков, *Белинский в Московском университете*, стр. 18—20, 56.

⁷ В январе 1831 г. В. Г. Белинский сообщал в письмах, что П. Я. Петров занимается переводом «*Потерянного рая*» Д. Мильтона на русский стихами и «переводит лихо» (см. «Литературное наследство», т. 56, стр. 331). Отрывки из этого перевода были напечатаны в «Галатее» (1830, ч. XV, № 22, посвящен В. Г. Белинскому) и в «Молве» (1833, № 85, стр. 537—538).

Интересно отметить, что сочинениями Д. Мильтона П. Я. Петров не переставал интересоваться и в Казанском университете (см. Рукописный отдел библиотеки им. Н. И. Лобачевского, список книг, взятых П. Я. Петровым из библиотеки университета).

В студенческие годы П. Я. Петров увлекается творчеством В. Гюго (перевод «*Джинны*»), итальянского революционера Уго Фосколо, перевод романа которого «*Избранные письма Якова Ордиса*» был им осуществлен совместно с В. Г. Белинским и В. В. Григорьевым. П. Я. Петрова интересуют также произведения крупных политических деятелей, активно участвовавших в революционных событиях своей эпохи.

ковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к познанию языков в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки»⁸.

Главным учителем П. Я. Петрова по восточным языкам был А. В. Болдырев, который с 1811 г. преподавал в Московском университете арабский, персидский и древнееврейский языки⁹.

В 1831 г. П. Я. Петров окончил Московский университет по словесному отделению и был утвержден кандидатом словесных наук¹⁰. Два года, живя то в Москве, то в Петербурге, он занимался частными уроками и самостоятельно изучал восточные языки. В 1834 г. П. Я. Петров был принят воспитанником Дерптского профессорского института, оставаясь на содержании при Петербургском университете¹¹.

Петербургский период жизни П. Я. Петрова был изучен академиком И. Ю. Крачковским на основании дошедшей до нас переписки П. Я. Петрова с В. Г. Белинским¹². В настоящее время мы имеем возможность уточнить и расширить наше представление об этом времени по архивам дерптского и петербургского учебных округов.

Как это видно из переписи и архивов, академик Х. Д. Френ, убедившись в способностях Петрова, взялся руководить его занятиями и направляя их по строго предуманному плану. Из всех своих петербургских наставников молодой ориенталист особенно был обязан Х. Д. Френу¹³. В Петербурге П. Я. Пет-

⁸ В. Г. Белинский, *Письма*, т. I, СПб., 1914, стр. 9; см. также Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 8; В. Нечаева, *В. Г. Белинский*, стр. 105.

⁹ С. Шевырев, *История Императорского Московского университета*, М., 1855, стр. 553. — В 1836 г. А. В. Болдырев был отрешен от всех должностей: ректора, профессора и цензора за помещение в журнале «Телескоп» (№ 15) статьи П. Я. Чаадаева «Философические письма» (см. А. Никитенко, *Дневник*, т. I, стр. 188, 190).

¹⁰ Архив МГУ, формулярные списки, 1852, л. 168.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 38.

¹² См. «Очерки по истории русского востоковедения», стр. 7—22. Переписка Петрова с Белинским прекращается по приезде Петрова в Казань. Предпринятая нами попытка найти продолжение этой переписки пока не увенчалась успехом. В ходе поисков удалось обнаружить в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина в Москве десять писем Петрова М. П. Погодину и в рукописном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина пять писем Петрова С. П. Шевыреву. Эти пятнадцать писем расширяют и уточняют наши сведения о Петрове, особенно в казанский период его деятельности.

¹³ Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. IV, СПб. стр. 411; Н. И. Веселовский, *В. В. Григорьев в его письмах и трудах* СПб., 1887, стр. 17.

ров, стремясь овладеть восточными и западными языками, очень расширил круг их изучения.

В письме М. П. Погодину он признавался, что «...увлекся страстью всех молодых людей, и в особенности русских, страстью за все хвататься, не соразмерив сил своих с поднимаемой тяжестью»¹⁴. Он собирался заниматься греческим, в каникулярное время уделял внимание славянскому и предполагал раз в неделю заняться финским (по его собственному выражению, «чухонским»)¹⁵, стремился также изучить китайский. Х. Д. Френ же ограничил Петрова изучением арабского, персидского, турецкого и санскритского языков. Арабистикой, кроме Х. Д. Френа, с ним занимался О. И. Сенковский — руководитель кафедры арабской словесности в Петербургском университете. Больших успехов Петров добился особенно в области персидской словесности, которую преподавал Ф. Ф. Шармуа, талантливый представитель французской школы Сильвестра де Саси¹⁶. Турецкий, которым П. Я. Петров стал заниматься в Петербурге, давался ему, по-видимому, труднее. «С турецким лажу худо», — писал он В. Г. Белинскому, но вскоре преодолел и эти трудности.

В центре внимания П. Я. Петрова находилось изучение санскритского языка. При этом ему очень не хватало грамматики и словарей.

В университете санскрит еще не преподавался, и П. Я. Петрову пришлось его изучать в основном самостоятельно. Он сам нашел себе учителя, поселился с ним на одной квартире и стал заниматься санскритским языком. Его учителем был немец, доктор философии Геттингенского университета, совершенно не знавший русского языка. Между ними было заключено соглашение об оказании помощи друг другу. П. Я. Петров учил его персидскому языку, а он его — санскритскому и классическим языкам. Вскоре ученик превзошел своего учителя, который, особенно в санскритском языке, оказался «не слишком горазд». В письме к своему другу П. Я. Петров признается, что он больше надеется на себя и на рукописи академии¹⁷. Некоторое время П. Я. Петров пользовался советами талантливого санскритолога адъюнкта академии Роберта Ленца¹⁸.

В Петербурге П. Я. Петров находился под особым научным

¹⁴ Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 409.

¹⁵ Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 10.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 227.

¹⁸ «Биографический словарь профессоров и преподавателей ИМУ», ч. I, М., 1855, стр. 226; «Московские ведомости», 1875, № 242.

наблюдением академика Х. Д. Френа и профессоров восточных языков¹⁹. Ему было разрешено слушать лекции в училище восточных языков при Министерстве иностранных дел²⁰. Арабский язык там преподавал профессор Деманж, турецкий и персидский вели профессор Ф. Ф. Шармуа и адъютант Мирза Джафар Топчибашев. У них в это время учились окончившие Петербургский университет В. В. Григорьев и П. С. Савельев, с которыми П. Я. Петров сдружился²¹.

Подводя итоги первых двух лет своего пребывания в Петербурге, П. Я. Петров подчеркивал, что они были обильны «муками и наслаждениями». За это время он научился говорить, читать и писать по-персидски, основательно стал понимать по-арабски и санскритски, так что на этих языках ему стали доступны книги и рукописи. «Скоро наступит время, — писал он М. П. Погодину, — когда я буду заглядывать в лексикон так же редко, как ветреный племянник к старой и скучной тетушке, от которой он надеется получить наследство»²². Для поступления в Дерптский университет нужно было сдать экзамен. «Я держал, — пишет Петров В. Г. Белинскому, — и выдержал экзамен в арабском и персидском у Френа и Шармуа и в санскритском у академика Шмидта, теперь я принят и нахожусь под особенным попечением Френа»²³.

Воспитанником Дерптского университета П. Я. Петров числился в течение трех лет, с 1834 по 1837 г., занимаясь в Петербурге. Это были годы напряженных занятий турецким, санскритским, персидским и арабским языками, которые он изучал с необыкновенным упорством и энергией. «Я занимаюсь в буквальном смысле с утра до вечера»²⁴, — писал он В. Г. Белинскому. Занятие языком П. Я. Петров считал «божественным удовольствием». На язык он смотрел, как «на живое познание человеческого слова во всех его видах»²⁵. Занимался П. Я. Петров не только изучением языков, но и самостоятельной научно-исследовательской работой. В плане сравнительного языкознания Х. Д. Френ поручил Петрову отмечать все восточные слова, которые имеются в русском языке. Впоследствии эта работа была оформлена в виде статьи, помещенной в издании Ака-

¹⁹ Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 9.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 66.

²¹ «Молва», 1835, № 10, стр. 155—156; Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев в его письмах и трудах, стр. 16.

²² Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 410.

²³ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 223.

²⁴ Там же, стр. 66.

²⁵ Там же, стр. 241—242.

демии наук²⁶. Х. Д. Френ поддерживал стремление П. Я. Петрова изучать рукописи академии. По этому поводу Петров писал Белинскому: «В Азиатском музее находится 80 санскритских рукописей, до которых мы со временем доберемся»²⁷. О том, что эта работа была не бесплодной, свидетельствует появившаяся в 1836 г. статья П. Я. Петрова «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее в С.-Петербургской Академии наук»²⁸. В свое время каталог санскритских рукописей Азиатского музея был составлен Робертом Ленцом. После него санскритское отделение обогатилось четырьмя новыми рукописями, привезенными из Индии Герасимом Лебедевым. В своей статье Петров дал их описание. Аналогичную работу он проводил в Москве в начале 1837 г. По разрешению попечителя Московского учебного округа Строганова им были перемотрены восточные манускрипты, находящиеся в московской университетской библиотеке. Он отыскал одиннадцать рукописей на арабском, персидском и турецком языках и в специальной статье представил краткое обозрение важнейших из них²⁹. В этом же году П. Я. Петров рецензировал парижское автографическое издание Упанишад, отметив значение их в священной литературе индусов³⁰.

Кроме изучения рукописей, молодого востоковеда интересовала нумизматика. С помощью и под руководством Х. Д. Френа он разобрал около 200 арабских и персидских монет и медалей³¹. В энциклопедическом лексиконе (Плюшара) напечатаны две статьи П. Я. Петрова: «Гангес» — географическое описание одной из величайших рек Индии и «Гандарвас» — о мифологических музыкантах и плясунах³².

Не оставлял Петров в Петербурге поэзию и переводы. Он занимался переводами с персидского газелей Хафиза. «Я положил себе, — пишет Петров, — непременно перевести лучшие

²⁶ «Список некоторых великорусских слов, сходных или сходных с восточными», — Известия Академии наук по Отделению русского языка, т. I, СПб., 1852, прибавл. тетр. 1, столб. 81—92.

²⁷ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 227; см. также Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 18.

²⁸ ЖМНП, т. XII, 1836, стр. 194—198.

²⁹ П. Я. Петров, *Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета*, — ЖМНП, т. XIII, 1837, стр. 549—555.

³⁰ П. Я. Петров, *О Упанишадах, издаваемых в Париже г. Полеем (донесение П. Петрова министру просвещения)*, — ЖМНП, т. XV, 1837, стр. 536—544.

³¹ Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 408.

³² «Энциклопедический лексикон Плюшара», т. XIII, 1838, стр. 257—261, 263—264.

из них на русский стихами, что и исполню»³³. И действительно, выполнил это намерение. В 1835 г. в журнале «Молва» была напечатана одна из газелей Хафиза, где он впервые попытался «ввести в русскую литературу арабо-персидскую форму газели». Эти занятия так увлекли П. Я. Петрова, что он сам стал сочинять стихи подражательного характера. «Я пустился писать газели вроде Хафиза и даже дал себе персидское имя — Ашик, т. е. влюбленный...»³⁴. Петров с большим удовольствием занимался переводами с санскритского, главным образом из Махабхараты. Эти переводы он посылал В. Г. Белинскому и просил ни в коем случае их не печатать. Все это не подтверждает точки зрения В. С. Нечаевой о том, что в Петербурге у Петрова исчезло увлечение, с которым он относился к научным занятиям в Москве³⁵.

Занятия в Петербурге шли успешно. «Учиться — есть теперь необходимая потребность моего существования». В своих письмах к В. Г. Белинскому он подчеркивал, что самое приятное для него занятие — это санскритский язык, успехи в котором заметны с каждым днем.

Осенью 1837 г. в Петербургском университете Петров держал экзамен по арабскому, турецкому и персидскому языкам. Результаты экзамена показали его хорошую подготовку, и экзаменационная комиссия не возражала против его командировки за границу³⁶. После сдачи экзаменов по языкам П. Я. Петров представил Х. Д. Френу рукопись, которая состояла из санскритского текста Сйтахаранами и из русского перевода этого отрывка, с приложением предисловия, словаря и весьма подробного грамматического разбора. Эта работа получила высокую оценку академиков Френа, Грефе и Шмидта, которым она была передана на заключение. Ее хотели издать, но из-за отсутствия шрифта сделать это было нельзя. Впрочем, сам Петров отказался печатать свой первый опыт по части санскритского языка³⁷.

Академик Френ особенно заботился о том, чтобы поездка Петрова за границу состоялась³⁸. В связи с этим Петров должен был представить в академию план своего заграничного

³³ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 227.

³⁴ Там же, стр. 113, 243.

³⁵ В. С. Нечаева, *В. Г. Белинский*, стр. 108.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 24.

³⁷ Там же, л. 46.

³⁸ *Письма В. В. Григорьева к М. П. Погодину* (письмо от 10 января 1838 г.), — Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, ф. М. П. Погодина, л. 254 (далее — ф. Погодина).

путешествия. Френ, Шмидт и Грефе одобрили этот план и сочли, что Петрову нужно предоставить трехгодичную заграничную командировку в те места, где «он мог бы с пользой продолжать свои занятия санскритским языком». Первым городом, который он должен был посетить, был Берлин, затем Бонн, Париж, Лондон. В Берлине в лице крупнейшего санскритолога Боппа он нашел лучшего руководителя. Хорошее научное руководство ждало его у Лассена в Бонне и у Бюрнуфа в Париже.

Согласно представленному плану Петров решил заняться сперва санскритской драматической поэзией, а потом историей Кашмира. Кроме того, он был намерен заниматься новейшими языками Индии, а по возвращении на родину — опубликовать санскритскую хрестоматию со словарем³⁹.

14 апреля 1838 г. Министерство просвещения согласилось послать Петрова за границу на два года «для дальнейшего усовершенствования в восточных языках в соображении, что он сможет занять в одном из университетов с пользою кафедру по избранному им предмету»⁴⁰. 6 августа 1838 г. Петров покинул Петербург и направился в чужие края. За границей молодой ориенталист старался воспользоваться всем, что давали европейские университеты, библиотеки и музеи⁴¹. Бопп при первой же встрече с Петровым признал преимущество в знаниях санскрита за молодым русским ученым⁴². Проявляя уважение к Петрову, Бопп написал в Петербург, что тому нечему учиться ни у него, ни у кого другого из санскритологов и остается только заняться изучением рукописей в Париже и Лондоне⁴³.

После Берлина Петров отправился продолжать свои занятия в Лондон, где главным образом изучал индийские древности. Петров был также в Париже и изучал там санскритские рукописи. О том, что ему удалось сделать только в Берлине, свидетельствует его официальное письмо из Парижа от 14/26 апреля 1839 г. на имя министра просвещения⁴⁴. Он изучал

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 37, ед. хр. 6, 1837, л. 33.

⁴⁰ Там же, л. 39.

⁴¹ «Отчет Императорского Московского университета», 1876 г., стр. 66.

⁴² Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 12.

⁴³ Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 140. — Когда позднее это мнение было высказано в печати В. В. Григорьевым, отличавшийся исключительной скромностью Петров оскорбился сравнением его со знаменитостями и порвал свою дружбу с Григорьевым. См. В. В. Григорьев, *Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве*, — «Русская беседа», т. IV, 1856, стр. 25; Н. И. Веселовский, *В. В. Григорьев в его письмах и трудах*, стр. 152.

⁴⁴ ЖМНП, ч. XXIII, 1839, стр. 39—44.

коллекцию санскритских манускриптов, находившихся в Королевской библиотеке. Им было сделано много выписок из Падма-Пурāна для предполагаемой санскритской хрестоматии. Немало потрудился неутомимый индолог и над историей Кашмира, известной под названием «Раджа-Тарангини», или «Река царей». Некоторые отрывки из нее, с переводом и примечаниями, также предназначались для санскритской хрестоматии. С этой же целью был обработан большой отрывок из индийской драмы. Он изучал бенгальский и зендский языки, продолжал начатую еще в Петербурге санскритскую грамматику, исследовал большую коллекцию персидских и арабских рукописей, множество словарей и грамматик.

В ноябре 1840 г. Петров возвратился в Петербург. Несмотря на трудности с устройством на работу, он в то время писал М. П. Погодину: «Как бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси, нежели в чужой земле — будем бороться с судьбой из последних сил»⁴⁵. Петров стал хлопотать о поступлении на службу в Министерство иностранных дел. Но как воспитанник профессорского института он был обязан прослужить в учебном ведомстве по крайней мере двенадцать лет, считая со времени занятия кафедры в университете. Просьба Петрова о разрешении ему преподавания санскритского и персидского языков в Петербургском или Московском университетах не была удовлетворена. В Петербургском университете санскритский язык читал профессор Б. А. Дорн, а персидский — профессор М. Д. Топчибашев. Не было надобности в преподавателях этой дисциплины и в Московском университете. Положение П. Я. Петрова оказалось очень тяжелым. Кафедра по предмету была занята, приготовленные им труды: поэма, грамматика, часть словаря и много переводов — не могли быть напечатаны из-за отсутствия санскритского шрифта. В 1841 г. Петров опубликовал две статьи: «О священной литературе народов загангесской Индии» и «О составе санскритского языка»⁴⁶. Обе эти работы свидетельствовали о больших знаниях автора грамматического строя санскрита и других индийских языков, но и это не обеспечило Петрову возможности для применения его знаний.

Приходилось ежедневно думать о средствах для существования. В течение года Петров был не у дел, не имел работы, нигде не получал денег. Он жил в страшной нужде. «Живу бог знает чем и как, то явится какой-нибудь урок, то напишу

⁴⁵ Письма Петрова к Погодину, — ф. Погодина, 1841, л. 53.

⁴⁶ ЖМНП, ч. XXXI, 1841, стр. 27—36; ч. XXXIII, стр. 184—208.

статью, то займу и таким образом перебиваюсь довольно неудачно. Места по восточной части в университете есть два: кафедра санскритского, для которого меня нарочно послали за границу и которой мне теперь не дают, и еще место адъюнкта персидского языка, которое я очень мог бы занять. Я подавал записки и попечителю и министру, просил через других, но ответа не получал»⁴⁷.

После продолжительных хлопот П. Я. Петрову было предложено преподавать в Казанском университете. Попечитель казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин считал приезд П. Я. Петрова в Казань важным приобретением для университета. «Я не только желаю видеть г. Петрова преподавателем санскритского языка во вверенном мне университете, — писал он, — но прошу покорнейше департамент народного просвещения довести до сведения министра, что назначение его сюда я приму как знак особенного благоволения к Казанскому университету»⁴⁸.

Попечитель просил назначить Петрова адъюнктом по кафедре санскритского языка, но министерство назначило его лишь исполняющим обязанности адъюнкта⁴⁹.

22 декабря 1841 г. Петров прибыл в Казань.

Казань не разочаровала Петрова. В то время, когда он приступил к преподаванию в Казанском университете, университет жил сложной, напряженной жизнью.

Ректор Н. И. Лобачевский, опираясь на передовую, прогрессивную профессию, превратил университет в крупнейший научный центр.

В университете сложился кружок петрашевцев, на котором обсуждались самые волнующие вопросы того времени. Идеи Белинского, социалистов-утопистов, петрашевцев прсникали в Казанский университет и оказывали там благотворное влияние на формирование мировоззрения передовых ученых и студентов⁵⁰.

В эти годы университет выдвинул целую плеяду русских ориенталистов, пользовавшихся заслуженным научным авто-

⁴⁷ Ф. Погодина, письма от 1, 8 июня 1841, л. 51; IV, л. 54.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 72.

⁴⁹ И. Ю. Крачковский пишет, что в 1841 г. Петров уехал в Казань профессором. Это не соответствует действительности. Профессорское звание Петров получил лишь через 15 лет в Московском университете. См. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 9.

⁵⁰ Е. Г. Бушканец и Г. Н. Вульфсон, *Из истории общественно-политической мысли в Казанском университете в первой половине XIX в.*, — «Ученые записки КГУ», т. 116, кн. 5, 1956, стр. 273—274.

ритетом. Они проявляли большой научный интерес к Востоку, к истории его народов, к их языку, литературе, быту, нравам, обычаям⁵¹.

Перед отъездом в Казань П. Я. Петров в письме к Белинскому выразил опасение, что в университете он не найдет ни одной индийской книги, однако был уверен, что «наполнять свои лекции мы найдем чем и без помощи книги»⁵².

Его опасения оказались напрасными. Казанский университет располагал богатой университетской библиотекой, где в большом количестве была представлена востоковедная литература. При непосредственной помощи Н. И. Лобачевского востоковеды собрали там редчайшие восточные книги и рукописи по различным отраслям восточной филологии, истории и этнографии.

В научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете сохранился список библиотечных книг, какими пользовался П. Я. Петров. Этот документ дает нам возможность выяснить научные интересы П. Я. Петрова, проблемы, которые привлекали его внимание. На первом месте стоит санскритология и вопросы, связанные с ней.

Особенно тщательно П. Я. Петров занимался изучением грамматик санскритского языка, вышедших в Германии, Франции, Англии. Он знакомился с различными санскритскими антологиями и хрестоматиями, особенно с антологией Лассена, пользовался большим количеством словарей и лексиконов и другой справочной литературой. Много книг читал П. Я. Петров по индийской мифологии, философии, литературе и искусству. Особенно он интересовался произведениями индийского эпоса — Махабхаратой и Рамаяной — и творчеством крупнейшего поэта Калидасы.

В индийском искусстве его занимала архитектура, в науке — медицина и история. Из исторических сочинений внимание Петрова особенно привлекала история Кашмира и Индии. Стремясь определить роль Индии во всемирной истории, он довольно широко изучает всеобщую историю, а также систематически следит за развитием востоковедной науки, аккуратно читает парижский «*Journal Asiatique*».

Научные интересы П. Я. Петрова в Казанском университете не ограничиваются только индологией. Он занимался иранской филологией, египетским языком, арабской словесностью, изучал

⁵¹ А. С. Шофман, Г. Ф. Шапов, *Восточный разряд Казанского университета*. — кн. «Очерки по истории русского востоковедения», т. II, 1956.

⁵² «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 246.

монгольские хрестоматии О. М. Ковалевского и А. В. Попова, английский язык и литературу. Все это говорит о разносторонних интересах и большой эрудиции талантливого востоковеда.

Преподавание санскритского языка в Казанском университете было поставлено Петровым по программе, предполагавшей глубокое изучение санскритской филологии вообще⁵³. Опубликованная им в 1842 г. программа санскритского языка свидетельствует о большом диапазоне знаний, с которыми он знакомил слушателей в связи с изучением произведений древнеиндийской письменности. Согласно этой программе, на первом курсе Петров излагал этимологию языка по собственным запискам и занимался со студентами переводами эпизодов, изданных Боппом, и отрывков из санскритской антологии Лассена⁵⁴. На втором и третьем курсах Петров преподавал основные правила синтаксиса, объяснял тексты, драму, кашмирскую летопись (*Rijatarangini*), индийские древности и археологию.

Таким образом студенты знакомились и с грамматикой и с образцами санскритской литературы. Эти сокровища индийской культуры в прекрасном изложении Петрова привлекли к нему лучших студентов и вольнослушателей. С увлечением учился у Петрова первый бурятский ученый Доржи Банзаров⁵⁵. Осенью 1843 г. надзиратель первой Казанской гимназии лама Галсан Гомбоев просил у ректора Лобачевского разрешение слушать в университете лекции по санскритскому языку⁵⁶. Слушал его лекции и будущий монголовед А. А. Бобровников. Получил разрешение у Лобачевского слушать санскритский язык учитель истории и географии уездного училища Алексей Асламов⁵⁷.

По предписанию Лобачевского санскритский язык стал обязательным для монгольско-татарского и китайского разрядов.

Петров был добросовестным преподавателем, свои лекции он всегда тщательно обрабатывал, созданные им прекрасные учебные пособия способствовали отличным успехам студентов⁵⁸.

В период своей деятельности в Казанском университете Петров не переставал заниматься научно-исследовательской рабо-

⁵³ ЦГА ТАССР, ф. 92, ед. хр. 5323, 1842, л. 75.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 5460, л. 19.

⁵⁵ А. С. Шофман, *Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова*, Улан-Удэ, 1956, стр. 126.

⁵⁶ А. С. Шофман, *Галсан Гомбоев*, — «Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры», XXIV, 1957, стр. 290; ЦГА ТАССР, ф. 977 (ф. ректора), ед. хр. 21, 1943, л. 6—8.

⁵⁷ ЦГА ТАССР, ф. 92, ед. хр. 5181, л. 2.

⁵⁸ Там же, оп. 1, ед. хр. 6525, 1851, л. 4—5.

той⁵⁹. Он продолжал печатать свои статьи по языку, литературе и этнографии Индии в «Москвитянине», «Петербургских ведомостях», «Отечественных записках», «Журнале Министерства народного просвещения» и других изданиях⁶⁰.

В первый год пребывания Петрова в Казани он трудился над Ведами и Упанишадами, занимался переводами санскритской драмы, приготовил санскритскую хрестоматию со словарем, а также отрывки из некоторых неизданных рукописей. Несмотря на то что университетская типография в Казани была самой большой на востоке России, напечатать в ней что-нибудь по санскритской письменности было невозможно из-за отсутствия санскритских шрифтов. С первого года пребывания в Казани Петров приложил немало стараний для приобретения этих шрифтов. Уже в мае 1842 г. он просил выписать «лучший и удобнейший» шрифт из Берлина, а когда в октябре 1843 г. этот шрифт был прислан в Казань, Петров занялся приведением его в порядок. По его собственным словам, он стал «наборщиком и типографщиком»⁶¹.

В 1844 г. была издана Петровым лирическая поэма на санскритском языке «Гхата-Карпарам», или «Разбитый сосуд», с предисловием и грамматическим и метрическим разбором. П. Я. Петров считал, что по языку и поэтическому достоинству эта поэма принадлежала к лучшим образцам санскритской словесности⁶². Этот труд был высоко оценен учеными, особенно Х. Д. Френом, который представил его конференции Академии наук.

Вскоре П. Я. Петров подготовил к печати новую работу — первую в России санскритскую антологию, в которой ставил себе целью познакомить читателей с некоторыми не известными до тех пор произведениями и которая вместе с тем служила бы учебным пособием для занимавшихся санскритом⁶³. По плану автора антология должна была состоять из двух частей: в первой помещались статьи, взятые из сочинений печатных и рукописных. Вторая должна содержать примечания и этимологический словарь. В состав антологии Петров предполагал включить эпические отрывки, сказки, басни, философские отрывки, памятники исторические, отрывки лирические и драматические.

⁵⁹ А. С. Шофман, *Санскритолог П. Я. Петров в Казанском университете*, — «Ученые записки КГУ», общеуниверситетский сборник, т. 117, кн. 9, 1957, стр. 53—58.

⁶⁰ ЦГА ТАССР, ф. 977 (истфилфак), ед. хр. 12, 1851, л. 7.

⁶¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5379, 1842, л. 1, 5, 28—29.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 43, ед. хр. 156, л. 1, 4, 5.

⁶³ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 68.

Министерство согласилось напечатать 300 экземпляров антологии. Печатать эту книгу было трудно: в типографии не было необходимых условий, отсутствовали квалифицированные наборщики, нужная бумага. В течение года Петров сам набирал антологию и стоял за кассой санскритских шрифтов. Получив разрешение, он перенес шрифты к себе на квартиру и стал ускоренными темпами набирать книгу. Благодаря непосредственному вмешательству Н. И. Лобачевского, который в то время был заместителем управляющего казанским учебным округом, печатание антологии было закончено⁶⁴. 200 экземпляров были отданы в студенческую библиотеку и записаны в ее каталог, с назначением 100 экземпляров для употребления студентами, а 100 — для продажи. Не удивительно, что эта работа еще при жизни Петрова стала библиографической редкостью.

В Казани Петров проработал десять лет. Педагоги, которые с ним работали, дали ему высокую оценку как преподавателю и ученому. Декан историко-филологического факультета профессор К. К. Фойгт в характеристике Петрова объявил его достойным представителем кафедры санскритской словесности, отличным русским ориенталистом, первым на этом поприще русским тружеником⁶⁵.

К концу 40-х годов Петров стал хлопотать о переводе его из Казани. Официальной причиной перевода было крайне расстроенное здоровье «от враждебного для него здешнего климата»⁶⁶.

В эпистолярном наследстве Петрова можно найти его жалобы на научное одиночество. «Я бы очень желал перейти в Москву, — пишет он Шевыреву, — но на адъюнктскую кафедру санскритского, персидского или даже обоих языков вместе, кажется, нет надежды — и потому я бы удовольствовался местом в библиотеке Московского университета. В Москве я бы нашел, с кем поделиться наукою, а у нас и этого нет»⁶⁷.

Это утверждение, конечно, не соответствовало действительности. Университет имел в своей среде виднейших ориенталистов, поэтому говорить о научном одиночестве вряд ли будет правильно. Скорее всего в этом можно увидеть протест Петрова против полного невнимания к его деятельности со стороны официальных властей. Несмотря на известные заслуги Петрова

⁶⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5379, 1842, л. 50, 56, 61, 67.

⁶⁵ Там же, ед. хр. 6525, 1851, л. 4—5.

⁶⁶ Архив Шевырева, письмо I от 1 июня 1850, — Рукописный отдел библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее — Архив Шевырева).

⁶⁷ Там же.

в области преподавания и науки, он в течение десятилетия лишь исполнял должность адъюнкта.

Эту несправедливость отмечали и ученые Казанского университета, которые требовали предоставления Петрову ученого звания, что вполне соответствовало его знаниям. Известный славист В. И. Григорович, сам занимавшийся санскритом, подал докладную записку в совет университета с ходатайством о предоставлении Петрову звания адъюнкта.

В это время Петров получил два предложения: одно от Армянского института — занять должность преподавателя арабского и персидского языков, другое от С. П. Шевырева, бывшего тогда деканом историко-филологического факультета, — занять кафедру в Московском университете. Принимая предложение Шевырева, Петров с радостью писал ему: «Лучшего, конечно, я желать не могу»⁶⁸.

После этих предложений все попытки удержать Петрова в Казани не увенчались успехом, и факультет был вынужден согласиться на его перевод в Московский университет.

Преемником Петрова по санскритской кафедре стал Боллензен, бывший адъюнкт-профессор при главном педагогическом институте в Петербурге, а затем библиотекарь при гидрографическом департаменте морского министерства.

При Боллензене, особенно после переезда Восточного разряда в Петербург, санскритский язык был передан в разряд общей словесности и утратил то значение, которое он имел при Петрове⁶⁹. Петров еще в течение двадцати трех лет продолжал свою плодотворную деятельность в Московском университете, в стенах которого им были созданы новые исследования в области санскритологии.

В Москве Петрова ждали новые трудности. В Московском университете не было отдельного Восточного разряда, как в Казани. По настоянию ученых в составе историко-филологического факультета Московского университета была открыта кафедра восточных языков: санскритского, еврейского, арабского и персидского. Изучение этих языков не являлось обязательным для всех студентов, а только для желающих.

По мере расширения Восточного факультета Петербургского университета сужалась деятельность востоковедов в других русских университетах. В ноябре 1855 г. Петербургский университет получил разрешение открыть на Восточном факультете кафедру санскритского языка. Санскритский язык сделался обя-

⁶⁸ Там же, письма II, III.

⁶⁹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 7039, 1855, л. 5.

зательным для арабско-персидского, китайско-маньчжурского, монголо-калмыцкого и санскритско-тибетского отделений. Для всех остальных восточных разрядов он объявлялся факультативным⁷⁰.

Попечитель петербургского учебного округа вошел с ходатайством в министерство о перемещении со званием исполняющего должность ординарного профессора санскритской кафедры адъюнкта при Московском университете П. Я. Петрова. Однако это перемещение не состоялось. Вскоре санскритский язык стал вести воспитанник Московского университета научный сотрудник Публичной библиотеки К. А. Кассович⁷¹.

Петров остался в Москве, хотя там преподавание санскрита продолжало вестись факультативно. Однако студенты не только проявили большой интерес к предмету П. Я. Петрова, но изъявили желание слушать его лекции также по арабскому, персидскому и латинскому языкам. Петров согласился преподавать их без вознаграждения⁷².

Уже первые годы работы в Московском университете принесли П. Я. Петрову известность и признание. Изданный им труд «О восточных письменах» считался украшением сборника, изданного к столетию Московского университета.

17 марта 1856 г. Петров был единогласно избран исполняющим должность экстраординарного профессора по занимаемой им кафедре санскритского языка⁷³. Позднее Петров от Совета Петербургского университета получил степень доктора санскритской словесности, а в Московском университете — звание ординарного и заслуженного профессора. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете избрало его своим неперменным членом⁷⁴. Три раза Московский университет оставлял Петрова на пятилетие, и этим было доказано, как высоко ценилась его профессорская деятельность⁷⁵. На протяжении многих лет, до последних дней своей жизни, Петров преподавал желающим студентам восточные языки.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, ед. хр. 193, 1855, л. 3, 7.

⁷¹ Казтан Андреевич Кассович (1815—1883) учился на словесном отделении Московского университета, которое окончил со степенью кандидата в 1836 г. Был знаком с Белинским, который о нем тепло отзывался. В 1858 г. Кассович был допущен к преподаванию санскрита. См. там же, оп. 27, ед. хр. 8, 1858, л. 16.

⁷² Там же, оп. 34, ед. хр. 83, 1851, л. 16, 26.

⁷³ Там же, л. 11—12, 18, 24, 43.

⁷⁴ «Московские университетские известия», 1868, № 3, стр. 355; 1870, № 1, стр. 7.

⁷⁵ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 66.

Преподавание Петрова отличалось глубиной, строгой методикой, широким охватом лингвистического и историко-литературного материала. Совет университета признавал «весьма полезные результаты преподавания профессора Петрова»⁷⁶. Несмотря на то что его предмет почти все годы был факультативным, его посещали охотно не только студенты, но даже некоторые из профессоров. Многие ученики на всю жизнь остались благодарны ему за то, что он «открыл для них страницы санскритских, арабских, персидских, еврейских книг и ввел в любопытный восточный мир»⁷⁷.

Свою многостороннюю преподавательскую деятельность П. Я. Петров умело сочетал с большой научно-исследовательской работой. В московский период жизни им были созданы интересные, оригинальные работы, которые и по сей день остаются важным вкладом в истории русского востоковедения. Основной проблемой в этих работах была индология.

Уже через год после переезда Петрова из Казани в Москву им была написана работа об алфавитах восточных языков⁷⁸. К столетнему юбилею университета, в 1855 г., увидел свет его труд «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских». К концу 60-х годов Петров особое внимание уделяет языкам Северной Индии. Этой теме он посвятил четыре статьи, которые печатались в 1867—1870 гг. в «Московских университетских известиях».

Первая статья была посвящена языкам бенгали и хиндустани. В ней дается описание этих языков, характеристика математических, астрономических, философских, исторических, географических и литературных словарей, основанных на этих языках⁷⁹.

Во второй статье этого цикла Петров рассматривает сочинения на бенгальском языке. Третья статья была посвящена маратхскому языку. В четвертой исследуется хиндустани. Петров изучает особенности его грамматики, дает характеристику имеющихся словарей и грамматик, хрестоматий и руководств для разговорного языка⁸⁰.

Большое внимание Петров уделил истории Кашмира, изу-

⁷⁶ «Протоколы заседаний Совета Императорского Московского университета», 1874, вторая половина, стр. 140.

⁷⁷ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 67.

⁷⁸ «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях», М., 1853, стр. 12.

⁷⁹ О выходе этой статьи отмечается в кратком отчете о состоянии Московского университета за 1867 г., — «Московские университетские известия», 1868, № 4, стр. 16; 1867, № 12.

⁸⁰ Там же, 1868, № 6; 1869, № 5; 1870, № 5.

чая ее по первоисточникам, особенно по рукописям. Примером может служить найденный в 1805 г. Кольбруком список исторических поэм, содержащих в себе летопись царства Кашмирского. Впоследствии этот текст был обнаружен в трех рукописях и издан в 1835 г. в Калькутте. Напечатанные поэмы состояли из четырех частей: 1) «Река царей» (хроника Jonaṭāja) сочинение Кальхана Пандиты, сына Чампаки, повествующая о событиях до 1148 г.; 2) «Династия царей» (Jaina-Rājatarāṅgīni śṭīvaṇa), продолжающая повествование до 1412 г.; 3) «Река царей», описывающая происшествия до 1477 г.; 4) «Знамя царственных династий» (Rājāvalipatākā) сочинение Rājya Bhāṭa и его ученика Suka, в котором описываются события до завоевания долины Акбаром.

Таким образом, в этих рукописях содержалась история Кашмира до XVI столетия включительно.

Петров в статье «Раджа-Тарангини. Историческая поэма Кальхана Пандиты» дал характеристику каждой части этого сочинения и показал его значение для изучения географии, этнографии, истории, хронологии Кашмира⁸¹. Начав работать над этими рукописями еще за границей, он продолжает их изучать и позднее, что говорит о его особом интересе к кашмирской истории.

В 1872 г. появилась статья Петрова «Из реки царей Кальханы». Она представляла собой перевод начала первой книги Кальханы⁸².

Но Петрова интересовали не только языковедение и история. Он с большим интересом изучал все области индийской культуры. Об этом могут свидетельствовать напечатанные им статьи о развитии индийской медицины и индийской музыки. Его статья «О медицине древних индусов» была написана в 1857 г. специально для «Московского врачебного журнала». Статья показывает происхождение медицины у индийцев, объясняет и роль индийского врача, обращает особое внимание на систему врачевания, которая в Индии была основана на традиционной практике. Автор описывает ряд медицинских неизданных в Индии книг, говорит об успехах индийских медиков, умевших определить признаки и причины болезней, умевших определить состояние тела по пульсу, знавших искусство лечения (химия, фармакология, лечение внутренними и наружными средствами, диета, хирургия). Санскритскими текстами, изучен-

⁸¹ Там же, 1865, № 3.

⁸² Там же, 1872, № 1. — Петров указывает, что он имеет в виду перевести большую часть замечательнейших отрывков из всех четырех кашмирских летописцев.

ными Петровым, доказывается умение индийских врачей с древнейших времен прививать оспу и снимать катаракты.

В последнее время Петровым было задумано составление санскритско-русского словаря, но выполнить это ему было не суждено: он умер через две недели после ухода со службы⁸³.

Кроме истории и культуры Индии, Петров занимался также арабской и персидской словесностями. Арабистика не являлась его прямой специальностью, тем не менее он немало сделал и в этой области⁸⁴. В связи с этим надо отметить речь Петрова «Об арабском языке и литературе», произнесенную на торжественном собрании Московского университета и напечатанную 12 января 1862 г.⁸⁵.

В этой речи Петров говорит об изучении европейцами Азии, о племенах и народностях, ее населяющих, дает характеристику семитским языкам, рассматривает арабский в морфологическом и синтаксическом отношениях. Особое внимание Петров уделяет успехам арабов в разных отраслях человеческих знаний. Он показывал их достижения в области математических наук, подчеркивал, что «их успехи в математике заслуживают почетное место в истории этой науки»⁸⁶. Не менее успешными были достижения арабов в области астрономии, тесно связанной с математикой. Истинными творцами науки арабы являлись по части географии. Петров приводит конкретные примеры, подтверждающие это положение. Хотя медицину арабы заимствовали у греков, но их собственные усовершенствования и опытность в этой отрасли знаний долгое время пользовались заслуженной известностью в Западной Европе.

Петров дает оценку арабским историческим памятникам, характеристику арабским историкам, богатой арабской литературе. Он раскрывает особенности и жанры арабской поэзии, образно называя ее дочерью аравийских степей, родившейся под сенью бедуинского шатра. С большим знанием дела в работе нашего востоковеда представлен обзор «замечательнейших произведений народа умного и даровитого»⁸⁷. Несколько работ Петрова по арабскому языку и литературе «превосходили уровень того времени»⁸⁸.

В связи с работой в области персидской словесности надо упомянуть брошюру Петрова «О персидской рукописи», содер-

⁸³ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 65.

⁸⁴ Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 7.

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 38, ед. хр. 214, 1862.

⁸⁶ Там же, л. 5, 7.

⁸⁷ Там же, л. 17.

⁸⁸ Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 14.

жащей отдельные исторические события со времен Тимура. По мнению Петрова, эта рукопись может быть полезна при уточнении хронологии⁸⁹. Уделив главное внимание санскригу, Петров к персидской литературе обращался сравнительно мало, и его работа в этой области нашла свое отражение только в переводах и преподавании⁹⁰.

Опубликованные работы Петрова не составляют его полного научного наследства. Будучи исключительно скромным, он многое написанное не отдавал в печать. Он не искал славы, а «находил полное удовлетворение в сознании честного отношения к своему делу»⁹¹.

Люди, которые его знали хорошо, утверждали, что он занимался и работал систематически, без усталости: не было часа дня, когда его можно было застать не за книгой, и разнообразие занятий невольно поражало всякого из близко его знавших. «То сидит он за изучением вновь полученной мексиканской грамматики, то читает с увлечением новое исследование в области египтологии, то вполне поглощен финикийскими надписями, то в виде отдыха наслаждается арабским романом»⁹². По словам Н. В. Берга, Петров всю жизнь чего-то искал и все шел по «своей» дороге вперед⁹³.

Современники знали Петрова как замечательного лингвиста, владевшего в совершенстве более употребительными европейскими языками и многими восточными. «Сколько именно языков было ему известно и в какой степени, этого, мне кажется, определенно никто не знает»⁹⁴, — писал Н. В. Берг, близко познакомившись с ним в 50-х годах в Москве.

В личной библиотеке Петрова, перешедшей после его смерти по его завещанию Московскому университету, имелись книги более чем на 100 языках⁹⁵.

⁸⁹ П. Я. Петров, *О персидской рукописи*, М., 1870, стр. 5.

⁹⁰ Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 16.

⁹¹ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 69.

⁹² «Иллюстрированная неделя», 1875, № 40, стр. 640.

⁹³ «Русская старина», т. XVII, 1876, № 10, стр. 394.

⁹⁴ Там же. — Известно, что П. Я. Петров знал английский, французский, немецкий, испанский, португальский; из восточных, кроме санскритского, арабского и персидского, занимался китайским, монгольским, тибетским, калмыцким, татарским и др.

⁹⁵ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 68.— В личной библиотеке Петрова обнаружены книги, некогда принадлежавшие студенту Белинскому, впоследствии подаренные им П. Я. Петрову. Это главным образом сочинения древних классиков в изданиях начала прошлого века [см. В. Сорокин, *Книги студента В. Г. Белинского*, — «Сталинское знамя» (Пенза), 1948, № 112 от 6 июня; Л. Ланской, *Библиотека Белинского*, — «Литературное наследство», т. 55, 1948, стр. 551].

Замечательная память давала ему возможность в какие-нибудь два-три месяца вполне овладеть формами нового языка и приобрести обширный запас слов для чтения текстов⁹⁶. За два года Петров, знавший в совершенстве язык древней Индии, успел изучить живые языки современной Индии — хиндустани, бенгали и др.⁹⁷.

О том, как овладевал Петров языками и как умел ими пользоваться, рассказывает нам в своих воспоминаниях Н. В. Берг, который привлек Петрова к изданию сборника «Песни разных народов»⁹⁸. Петров записал издателя татарские и башкирские песни, причем взятые не из книги, а спетые сибирским татаринцом Назарычем. Он записал калмыцкую песню, перевел баскскую, персидские песни, язык которых он знал, как персиянин. По-персидски он не только говорил, но и писал, и пел, и молился.

Что касается санскрита, то, по воспоминаниям Берга, Петров знал его в совершенстве. «Он говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискивать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков»⁹⁹.

Преподавательская деятельность Петрова продолжалась 34 года и принадлежала двум русским университетам: Казанскому и Московскому. Талантливый востоковед был одним из пионеров в области внедрения санскрита в университетском преподавании. Он указал пути изучения санскрита, которым следовали затем Кассович в Петербурге, Боллензен в Казани, В. И. Шерцль в Харькове.

Заслуга нашего первого русского санскритолога особенно на этом поприще никогда не будет забыта. Мы можем согласиться с мнением его друзей по университету о том, что, «как бы ни были велики впоследствии успехи языковедения в России, как бы далеко ни распространился кругозор этой науки, никогда не утратится память о наших первых профессорах санскрита, и с признательностью будет называемо имя Павла Яковлевича Петрова»¹⁰⁰.

⁹⁶ «Голос», 1875, № 265.

⁹⁷ «Московские ведомости», 1875, № 242.

⁹⁸ «Песни разных народов», пер. Н. Берга, М., 1854, стр. 221—240.

⁹⁹ Там же, стр. 396.

¹⁰⁰ «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 69.